

ВЫБОРЫ*

С сентября 1939 г. до июня 1941 г., то есть от начала второй мировой войны и до начала войны между Германией и Союзом, жители Виленского, Новогрудского, Белостокского, Волынского, Полесского, Львовского, Станиславского и Тернопольского воеводств четыре раза выбирали представителей в различные органы власти. За первые полгода существования там советской администрации выборы проводились дважды — в октябре 1939 г. и в марте 1940 г.¹ Несомненно, важнейшими и наиболее прочно забытыми оказались выборы в Национальные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. Они были проведены в воскресенье 22 октября 1939 г.² 4 октября члены Военного совета Украинского фронта Хрущев (тогда — первый секретарь ЦК КП(б) Украины) и его заместитель Бурмистенко, а также командующий Украинским фронтом командарм первого ранга Семен Тимошенко подписали воззвание о проведении выборов; в нем сообщалось о создании организационного комитета по выборам в составе 17 человек. В Белоруссии такого

* Орывок из книги "Revolution from Abroad. Sovietization of Western Ukraine and Western Bielorussia". Книга вскоре будет опубликована издательством Принстонского университета. По-польски этот отрывок вышел в журнале "Aneks" № 45.

рода документы датировались, как правило, днем позже. Поэтому, вероятно, 5 октября такого же типа воззвание выпустил Военный совет Белорусского фронта в составе командующего войсками Михаила Ковалева, первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймона Пономаренко (в 1955—1957 гг. бывшего советским послом в Польше) и его заместителя.

Поскольку оккупация Западной Украины и Белоруссии с помощью военной силы была связана с определенным риском, Сталин всячески старался затушевать военный аспект этой операции. Советскому правительству отнюдь не хотелось оказаться в состоянии войны с Англией и Францией, которые, будучи союзниками Польши, объявили войну Гитлеру уже 4 сентября; поэтому с первого же момента соблюдалась видимость того, что вторжение на территорию Польши — не агрессия, нарушающая суверенитет независимого государства, а скорее, как сказали бы сегодня, „национально-освободительное движение”. И следует признать, что советская дипломатия добилась успеха. Хотя нападение Красной армии на Польшу, осуществленное 17 сентября, было явным *казус белли*, польское правительство, к тому же дезориентированное в результате своего бегства в Румынию и интернирования там, не признало того факта, что оно находится в состоянии войны с СССР. В итоге и союзники Польши — Англия и Франция — не были обязаны объявить войну Советскому Союзу. А двумя неделями позднее, когда вновь созданное польское правительство оказалось в изгнании во Франции, союзники, очевидно, уже приняли решение не дразнить русского медведя. Хотя было ясно, что в то время Сталин уже находился в фактическом союзе с Гитлером, было понятным и другое, о чем писал в британское министерство иностранных дел английский посол в Москве Уильям Сидс:

„Трудно сказать, какую пользу принесло бы нам объявление войны Советскому Союзу, хотя мне лично было бы весьма приятно передать такую ноту Молотову”.³

Таким образом, выборы, организованные на только что занятых территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, были как бы продолжением усилий советской дипломатии

по созданию фикции, что захват этих земель — отнюдь не вооруженная интервенция со стороны соседнего государства, а некий спонтанный акт самоопределения местного населения.

Поразительным может показаться срок проведения выборов — 22 октября 1939 г. Прошло лишь пять недель после вторжения, а советская администрация поставила перед собой задачу, необычайно сложную с точки зрения организации. Более того, огромное мероприятие было осуществлено в течение двух недель, так как предвыборная кампания началась лишь 6 октября, после публикации упомянутого воззвания в местной печати. Однако сложная международная обстановка в октябре 1939 г. и опыт последних месяцев требовали поспешных действий. Через неделю после подписания советско-немецкого пакта вспыхнула война. Через десять дней после начала польско-немецкой войны положение на фронтах уже решительно повернулось в пользу немцев. Только с величайшими трудностями русским удалось привести Красную армию в состояние боевой готовности, чтобы она могла войти на территории, переданные Советскому Союзу в соответствии с договором о ненападении с немцами, и занять их раньше, чем туда подойдут отряды вермахта. Одновременно Гитлер пытался начать переговоры с Англией и Францией о заключении мира, и Сталин мог опасаться, что идея „Пакс Германика” вновь восторжествует и при этом на условиях, поставленных рейхсканцлером. Поэтому Сталин явно желал как можно скорее закрепить свои территориальные завоевания. Поскольку в межвоенный период вопросы государственного суверенитета на территориях со смешанным населением нередко решались посредством плебисцитов, важно было как можно скорее получить соответствующие результаты выборов на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Кроме того, приближалась годовщина Октябрьской революции, а также 60-летие самого Сталина. В обычае коммунистов отмечать годовщины революции очередными достижениями, и надо было спешить. Осень 1939 г. ознаменовалась блестящими успехами внешней политики Сталина: дав своим врагам объявить войну друг другу, он получил в награду половину Польши и свободу рук в отношении Литвы, Латвии и Эстонии.

Дата выборов была объявлена населению 6 октября, в

местной печати Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни „Правда”, ни „Известия” не упоминают о выборах ни единым словом до 11 октября, несмотря на то, что обе газеты ежедневно публиковали обширные сообщения о происходящем на только что занятых Красной армией территориях. Понятно, что пятнадцатичасовое опоздание — не случайность и не недосмотр со стороны журналистов и редакторов двух важнейших советских газет. Между 6 и 11 октября подготовка к выборам и предвыборная кампания шли уже полным ходом, при больших усилиях новой администрации. Страницы местной периодической печати были переполнены материалами о выборах. Следовательно, в центральной печати об этом временно умалчивалось по важным политическим причинам. Думается, что от публикации сообщений о намеченных выборах воздерживались из-за проходивших в то время переговоров с Литвой и неуверенности в их результатах. 10 октября передовая статья на первой странице „Правды” сообщила гражданам СССР об успешно закончившихся переговорах с литовским правительством и о том, что Советский Союз передает Литве Вильнюс.⁴ Поскольку время торопило, подготовка во Львове и Белостоке началась еще до того, как было найдено решение временному статусу Вильнюса. Во всяком случае, когда советским читателям было сообщено, наконец, что на Западной Украине и в Западной Белоруссии должны состояться выборы в Национальные собрания, организационные комитеты по проведению выборов во Львове и Белостоке были уже давно созданы и были опубликованы 8 параграфов и 47 статей положения о выборах.

Как было сказано, формально с идеей выборов выступили Военные советы Украинского и Белорусского фронтов. Как бы в ответ на эту инициативу временные городские управы Львова и Белостока обратились с призывом о подготовке к выборам к местным органам временной администрации, созданной (во всяком случае, формально) на занятых землях 3 октября. Из Львова обращение было направлено временным управам городов и повятов на Западной Украине, а из Белостока была мобилизована сеть местной администрации Западной Белоруссии. Одновременно львовский и белостокский оргкомитеты обратились за помощью к президиумам верховных советов Украины

и Белоруссии, и оба президиума немедленно выделили из своего состава по два человека (в том числе — председателей президиумов) в помощь оргкомитетам по проведению выборов во Львове и Белостоке. Так, из Киева во Львов прибыли Гречуха и Корнейчук (будущий муж Ванды Василевской), а из Минска в Белосток — Наталевич и Грекова.

Запутанные предварительные формальности (вся эта сложная процедура описана в местной печати так, что последовательность событий установить весьма трудно) не имели большого влияния на конкретную пропагандистскую работу, которая рванула, что называется, с места в карьер. Понятно, что организаторы выборов знали с самого начала, каков будет конечный результат их усилий, и своего знания отнюдь не скрывали. В тот самый день, когда были опубликованы упомянутые воззвания и созданы оргкомитеты, командующий Украинским фронтом Семен Тимошенко заявил на митинге во львовском кино театре „Атлантик“:

„Один из ораторов сказал здесь, что понятия Западной Украины и Восточной Украины надо соединить в одно — Советская Украина. А раз этого хотят сами рабочие, сами трудящиеся, не нужно тут заниматься дипломатией — так будет наверняка”.⁵

И по намерениям организаторов и, несомненно, согласно наметкам сторонников нового строя, октябрьские выборы должны были дать возможность конструктивной активности местного населения. Октябрьские выборы должны были стать завершением старой и началом новой эпохи. Сентябрь был месяцем войны, закончившейся катастрофой, страданиями и перемещениями гражданского населения, наконец, хаосом и шокотом от перемены власти в результате вторжения Красной армии. Все это в целом обозначило конец прежней эпохи и порождало неуверенность в завтрашнем дне. Октябрь должен был создать перемену в настроениях, направить внимание и энергию людей к новому, в будущее. Людям как бы подсказывали: не горюйте о необратимых потерях, включитесь в творческий труд на общее благо. На Западной Украине и Белоруссии было много людей,

не имевших глубокой эмоциональной привязанности к межвоенной Польше (это прежде всего относится к радикальной молодежи так называемых национальных меньшинств, которые составляли явное большинство на территориях, оккупированных Красной армией).

Возможность „соучастия” в связи с предвыборной кампанией вызвала в этой среде интерес. Об этом следует напомнить. Уже ход предвыборной кампании показал, что выборы ведут к новой, но не менее кошмарной действительности, лишаящей людей независимости и индивидуальности. Но увидеть это многим мешала мировоззренческая доктрина, из сетей которой невозможно было выпутаться за немногие недели знакомства с административным воплощением научного социализма. К энтузиастам и даже просто к оптимистам этот опыт пришел с запозданием, и трудно пенять, в особенности молодым людям, что они осознали его с задержкой на несколько недель и даже месяцев.

Настроения мобилизованности и коллективных усилий создавались прежде всего подчеркиванием различий между тем, что было, и тем, что должно наступить. Ведь нетрудно понять, что на основе лучших принципов жизнь станет лучше, если люди наполнят новые институты жизни своей энергией и коллективным трудом. Так, с самого начала предвыборной кампании печать широко информировала о праве на голосование и о структуре предстоящих выборов — всеобщих, равных, прямых и тайных. Эти в общем абстрактные и бесцветные определения приобретали значимость в сравнении с описаниями довоенной действительности, как ее подавали пропагандисты на митингах и предвыборных собраниях. Известная писательница Беата Обертыньская вспоминает молодого еврея из Львова, который

„утверждал, что в Польше каждый граф, офицер и помещик имел право на выборах подавать от 6 до 10 голосов, тогда как крестьянин и рабочий не имели ни одного”.⁶

При советском строе все виды неравенства будут отменены, и власти будут обходиться с гражданами не только справедливо, но и заботливо. Читатели местных газет могли также прочесть,

что во время октябрьских выборов на всех избирательных участках будут выделены специальные комнаты, в которых каждый наедине с самим собой выполнит свой гражданский долг. Членам комиссий нельзя будет входить в эти помещения. Однако

„неграмотные или инвалиды, нуждающиеся в помощи, смогут пригласить в это помещение какого-либо другого избирателя для заполнения бюллетеня”.⁷

В статье „О прогнившей и подлинной демократии” — тут уже в самом заголовке старое ясно противопоставляется новому — автор просто и убедительно излагает теорию представительной демократии, на которой основывается практика советских выборов.

„Идеал демократии состоит в том, чтобы народное представительство было как можно более многочисленным, чтобы число представителей народа было как можно большим”.⁸

А поскольку на выборах в Национальные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии принят принцип, что каждые 5 тысяч жителей должны иметь своего депутата, то оба представительных учреждения должны быть многочисленнее, чем весь довоенный сейм Речи Посполитой, а следовательно, и лучше, — ибо они будут ближе к идеалам демократии. Что же касается процента участвующих в выборах, то хотя само по себе положение о выборах не навязывало прямо обязанности голосовать, но указывалось, что гордостью советского законодательства является положение, согласно которому

„только пациенты больниц, страдающие тифом, скарлатиной и проказой не участвуют в выборах”⁹ (Обр. перевод с англ. — Ред.)

Все граждане, начиная с 18 лет, обладали активным и пассивным избирательным правом. Избирательные округа, как правило, делились на три или четыре участка, и на одну комиссию

приходилось около 1500 лиц, имевших право голоса; согласно действовавшему положению, право выдвижения кандидатов на депутатские места (кстати, термин „депутат” или по-польски „посол” не фигурирует в публицистике того времени, а употреблялся термин „делегат”) имеют

„крестьянские комитеты, временные управы, собрания рабочих на предприятиях, собрания рабочей гвардии, собрания интеллигенции”.¹⁰

Для официальной регистрации кандидаты должны передать в окружную избирательную комиссию протокол заседания или собрания, выдвинувшего их кандидатуру, и свое заявление о согласии принять выдвижение. Хотя в принципе любая группа граждан могла собраться и осуществить свое право на выдвижение чьей-либо кандидатуры, новая администрация (представители которой заседали в окружных избирательных комиссиях) могла наложить вето на эти решения, а лица, которых уговаривали согласиться на выдвижение кандидатами, могли от этого отказаться.

Как мы вскоре убедимся, различия между теорией и практикой выборов были огромными, но поскольку процесс советизации не является лишь актом порабощения людей извне и требует, чтобы население само в нем участвовало, невозможно полностью игнорировать формальные гарантии и вопросы о подлинном участии. Поэтому, хотя кандидатов, как выразились бы сегодня, привозили в обозе,¹¹ все же положение об обязательности согласия на официальную регистрацию имело существенное значение и дало возможность многим, кого уговаривали стать делегатами национальных собраний, отказаться от этой чести.

* *
*

Как уже сказано, предвыборная кампания началась 4 октября, и сразу же получила широкий размах. В печати можно прочитать сообщения о митингах в общественных местах: кино-

театрах, театрах, оперных залах, на предприятиях и в школах. Хотя голосовать можно было лишь с 18 лет, молодежь также была охвачена предвыборной пропагандой и нередко принимала в ней активное участие, например, организовывались марши, и школьная детвора проходила под окнами учителей.¹²

Судя по сообщениям в газетах, а также по опубликованным фотоснимкам, в собраниях принимали участие толпы людей. Во Львове 13 октября „свыше тысячи инженеров” встретились на митинге в „Коллегиум максимум”; на собрании интеллигенции Белостока 12 октября в кинотеатре „Аполлон” тоже было „около тысячи человек”.¹³ С первых дней оккупации новые власти старались привлечь на свою сторону не только пролетариат и национальные меньшинства, но и интеллектуальную элиту — писателей, профессуру, технических специалистов. На занятые территории из Киева и Минска приезжали представительные группы видных интеллигентов — кинорежиссер Александр Довженко, историк литературы Виктор Шкловский, писатели Купала и Корнейчук, и именно они, вместе с Хрущевым, Пономаренко и другими советскими вельможами рангом ниже выступали на собраниях и старались завязать личные контакты.

„Мы передаем вам сердечные поздравления от писателей Советского Союза, мы хотим познакомиться с вашими взглядами и мыслями, — говорил Корнейчук на встрече с писателями в зале Общества имени Шевченко во Львове (в кругу несколько более интимном, так как присутствовало „свыше ста человек”). — После выборов в Украинское национальное собрание, — продолжал он, — после осуществления национализации земли и банков, после присоединения Западной Украины к СССР мы сможем приступить к созданию союза писателей”.¹⁴

Из этой речи следует, что член организационного комитета уже за десять дней до выборов знал в точности, каков будет их результат (собрание происходило 13 октября). Иметь точную информацию, опережающую ход событий, было нетрудно: подобно Тимошенко за девять дней до него, Корнейчук выявлял

своими словами лишь волю народа, которая настойчиво давала о себе знать в резолюциях, принимавшихся на десятках собраний жителей Западной Украины и Белоруссии.¹⁵ В статье, опубликованной на первой странице „Правды” 11 октября, среди выдвинутых задач газета выделяет те же четыре принципа: установить на занятых землях советскую власть; присоединить Западную Украину к Украинской ССР (статья о Белоруссии была опубликована днем позже); конфисковать земельные владения и отдать землю крестьянам; национализировать банки и крупные промышленные предприятия. Задания эти были по существу выполнены, ибо когда двумя неделями позднее состоялись заседания национальных собраний во Львове и Белостоке, в порядке дня их работ были те же четыре пункта.

Однако крупные собрания с участием профессиональных групп населения — это лишь редкие украшения предвыборной кампании. Повседневная будничная пропагандистская работа была организована по-другому — в малых группах, прежде всего по месту жительства или на работе.

*„Где ты ни есть — все равно,
убеди, докажи, покажи,
фактом и цифрой
бей в суть
жестом и словом пророка
Агитируй своим примером — вдохновенной фантазией.
Словом и кулаком — вместе
говори толпе,
даже десятерым.
Бьются в нас сердца масс.
С трибун и улиц и площадей просторных
Оглашай народу его права,
и пусть искры летят у тебя из-под ног,
когда ты кричишь: круши и строй.
В лавке собраний горячим шепотом
в лицо равнодушно-спокойное
бросай прекрасное видение!
Пока не увидят, не поверят,
не начнут понимать,*

пока не поймут.

*Скажи, что надо, что можно, что должно
сдвинуть глыбы мифов.*

*Будь самой правдой, в которую веришь!
Агитируй, агитируй, агитируй!*¹⁶

Пожалуй, самая важная информация о том, что в действительности происходило во время предвыборной кампании, содержащаяся в умелом стишке Леона Пастернака „Агитатору“, состоит в двух словах — „даже десятерым“.

Чуть ли не для каждого жителя территорий, захваченных в сентябре Красной армией, кампания по выборам складывалась из серии встреч в основном в малых группах с так называемым агитатором, которого иногда называли также „десятским“. Определение „десятский“ возникло потому, что население Западной Украины и Западной Белоруссии было поделено на группы, охватывавшие примерно по десять семей — десять хат в деревне, десять квартир в крупном доме со снимаемыми квартирами, одна сторона небольшой улицы или небольшой дом с несколькими квартирами, — в таких группах и проводилась предвыборная пропаганда.¹⁷ Поскольку пропагандистские собрания проводились ежедневно или через день, это требовало умелой организации и привлечения множества людей. По свидетельству советского историка, на мартовских выборах 1940 г. (организованных по точно такой же схеме) в Западной Украине работало 100 тыс. пропагандистов.¹⁸ Эту информацию не следует принимать дословно (как видно из приведенных выше цифр, достижения научного социализма можно выразить лишь в круглых цифрах, содержащих единицу и нули), но все-таки величина эта значительна и правдоподобна. Действительно, в памяти людей, переживших октябрьские выборы, впечатление было таким:

*„Наш повят залила волна новых людей... Как выяснилось, то были политруки и политработники из Минска. Их было полно везде“.*¹⁹

В городе и в деревне завихрило. Множество агитаторов, в

основном — лейтенантов армии или НКВД. Все в кожаных пальто или куртках”.²⁰ Как будет показано ниже, агитацией занимались не только советские граждане, но они особенно бросались в глаза.

По сообщениям свидетелей, наиболее поражающим в предвыборной кампании была ее интенсивность: убежать от нее было невозможно, и направлена она была на все чувства сразу.

„Предвыборная агитация велась посредством афиш, митингов, пропагандистских фильмов, шествий и манифестаций;²¹ с помощью репродукторов, установленных на улицах городов, транслировались митинги и пропагандистские передачи”.²²

„Агитация была такой разветвленной, что нельзя было шагу ступить, не натолкнувшись на нее”.²³ В ходе предвыборной кампании повсюду проводили киносеансы, даже в глухой провинции, а эстрадные выступления и инсценировки²⁴ чаще всего устраивали на предприятиях, где всегда найдется помещение и публика тут же на месте. „На фабриках после работы закрывали ворота, никого не пускали домой и устраивали митинги”, — вспоминал впоследствии жестящик из Дрогобыча.²⁵ На фабрике Шапиро в Будах около Баранович показывали живые картины: „На сцене повесили изувеченного орла с опущенными крыльями и рисунок: генерал Сикорский карабкается по лестнице и взывает о помощи к „проститутке” Франции. На другом рисунке — сломанная лестница и падающий генерал Сикорский, не получивший помощи. Рисунки дополняли и объясняли подбор злобных и издевательских слов. Затем на сцену выходил коммунистический деятель Шейко Стефан и большой метлой выметал орла, вывешенные на сцене портреты и польский флаг, и вместо этого вносили советский флаг, портреты Сталина, Ленина и других. Такие или похожие митинги, — сообщает рабочий Юзеф Сычко, — устраиваемые коммунистическими деятелями под руководством НКВД, довольно часто проводились в промышленных центрах”.²⁶

Итак, скрыться от предвыборной пропаганды не было никакой возможности. На предприятиях во время обеденного

перерыва или после окончания рабочего дня людей принуждали идти на собрание: на улицах их догонял голос агитатора из уличного громкоговорителя; со стен и заборов смотрели на них яркие плакаты и воззвания о прежней неволе и с обещаниями лучшего будущего; стоявших в очередях в магазины не раз окружала милиция и гнала на площадь — послушать оратора; усталых пассажиров в набитом вагоне мог пробудить от дремы агитатор, идущий из вагона в вагон и в каждом повторяющий свою речь.²⁷

Иногда людей привлекали на собрания хитростью. В Яновской Долине было объявлено, что в таком-то часу в магазине начнут продавать обувь и продовольствие, которых уже не было какое-то время. В Зеневичах, Бобровичах, Новосадах и Борунах крестьян собирали под предлогом распределения земли или скота.²⁸ „Агитацию проводили на собраниях, не имевших ничего общего с выборами”.²⁹ Иногда, как вспоминает школьник из Дубно, „митинги и собрания проводили не только принудительно, но и с поощрением за хорошо организованный митинг: открывали кооператив, где можно было купить спички, одеколон, шнурки и детские игрушки”.³⁰ Во многих других местностях так называемые кооперативы и фабричные лавочки открывали лишь после хорошо прошедшего собрания.³¹ Использование „материальных стимулов” чаще было обманом, чем подкупом — полученное при таких okazиях населением „добро” впоследствии отбирали.³² Так, по истечении некоторого времени стали отбирать выданные в предвыборную кампанию земельные наделы и скот.

Назойливость предвыборной кампании, вторгшейся в жизнь населения Западной Украины и Западной Белоруссии всеми способами — хитростью и силой, посредством звуков, слов и образов, вероятно, наиболее полно олицетворяет деревенский глашатай, с барабаном идущий по селу и под его ритм призывающий прибыть в назначенное время в назначенное место. В Ласковицах „каждый день ходил по деревне мужчина или женщина с барабаном, барабанил и говорил, что в такой-то час каждый должен прийти”; в Лыско „полицейский с большим барабаном проходил через город, задерживаясь на каждой улице. Ударяя в барабан, он обращал на себя внимание жителей, а затем объявлял,

что сегодня вечером в такой-то и такой-то час будет митинг, на который все обязаны прийти.³³ Ничто — никакие стены, никакие двери — не могли спасти жителей от этого голоса новых времен.

Быстро выяснилось, что бежать некуда. Везде наступал гражданский долг, все жизненное пространство открыто перед коллективом и достижимо им. В ходе предвыборной кампании в октябре 1939 г. впервые в сознании местного населения была сокрушена частная жизнь. Жизнь в группе, общественные цели, навязанные государством, установили свой абсолютный приоритет над интимностью частной жизни. Оказалось, что организаторы выборов могут созывать собрания в частных квартирах и что каждый может быть призван на роль агитатора.

„Повсюду действовали так, — рассказывает студент Львовского университета. — В дом приходил сотрудник НКВД и сообщал, что в квартире пана такого-то должно состояться предвыборное собрание жителей дома”,³⁴

а служащий из Млынова простыми словами описывает другой новаторский аспект октябрьской кампании:

„Местные власти требовали, чтобы один человек на три дома занимался предвыборной агитацией”.³⁵

Людям тщательно отрезали пути бегства от новой действительности. Ее нельзя было игнорировать, ибо она наступала везде, и в частных жилищах, и даже если эта действительность не согласовывалась с их собственными взглядами, в любом случае приходилось высказываться именно в ее духе.

„Предвыборная агитация проводилась таким образом: в квартире одного из жильцов, обычно управдома, вечером проходило собрание. Агитатор, обычно русский, точно по тексту делал доклад о „благах” коммунистического строя, знакомил собравшихся с порядком выборов и соответствующими статьями сталинской конституции. Как правило, в его распоряжении была масса агитационных брошюр, графиков,

картинок, которые он раздавал присутствующим, рекомендуя подготовить выступление на следующем заранее назначенном собрании".³⁶

Таким образом, при повторных встречах пропагандистские речи должны произносить уже сами жильцы.

Теоретически можно было попробовать отвертеться — сказав, что потерял брошюрку или заболел, не прийти на очередное собрание. Но санкции за отсутствие на предвыборном собрании были крайне суровыми. Попавшему в агитаторы не присутствовать на собраниях значило подвергнуть себя большому риску. Нередко не было даже времени на размышление: на митинге на предприятии могли ни с того ни с сего пригласить в президиум, где давали в руки листок с уже заготовленной речью и в какой-то момент вызывали на трибуну.³⁷ Или же попросту

„на таких собраниях велели кому-нибудь из поляков выступить и рассказать, как он жил и какие у него были условия работы. Если из речи явствовало, что жилось ему неплохо, то через пару дней его арестовывали".³⁸

Такие импровизации были несколько рискованными для организаторов, но, как правило, люди старались выступать так, чтобы избежать неприятностей. Впрочем, горести и надменное отношение польской довоенной администрации к украинскому и белорусскому населению были настолько явственными и болезненными, что автобиографические выступления нередко отлично вписывались в сценарий предвыборной кампании.

Стремясь воздействовать на сгоняемых на предвыборные митинги как можно эффективнее, агитацию не решались пустить, так сказать, на самотек. Старались подобрать для выступлений влиятельных, авторитетных людей. Например, учителей назначали „профессиональными" агитаторами.³⁹ Нетрудно догадаться, что весьма многие, вовлеченные таким образом в строительство нового общества, отнюдь не были его сторонниками.⁴⁰ В самом деле, многие члены избирательных комиссий вскоре оказались в ссылке, а затем — среди эвакуированных с армией Андерса в Иран. Их воспоминания дают возможность воспроизвести

технику проведения выборов прямо изнутри; выяснить характер работы комиссий и точность подсчета голосов.

Из приведенных сообщений следует, что должность в советской администрации или в пропагандистском аппарате не была наградой, которую нужно было выпрашивать, отличием за особые заслуги или доказательством доверия, а скорее предполагаемой (организаторами советской власти) обязанностью каждого человека. С одной стороны, предполагалось, что недавно завоеванное население еще предстоит переделать, воспитать по образцу „гомо советикус"; с другой — к этому обществу относились так, как будто оно состояло из советских людей. В итоге общество вовлекли в процесс советизации и в какой-то мере оно, можно сказать, само учинило насилие над собой. В газете „Червоны штандар" от 15 октября имеется статья какого-то Штейна под многозначительным названием „Обязанность каждого". В ней говорится в частности:

„Не вышколенные агитаторы, а все, кто в силах, пусть идут к рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции и говорят о конституции СССР... Все, кто умеет говорить, пусть говорят о кривде, о прежних несправедливых выборах, обо всех прежних жульничествах и махинациях".

Так уже перед октябрьскими выборами выявился псевдоидеологический характер советского строя. Оказалось, что не нужно иметь никакой квалификации и мировоззрения (даже не нужно притворяться, что имеешь), чтобы стать апологетом нового режима. Чтобы стать „активистом" — в деле пропаганды особенно — достаточно было оставаться пассивным, послушным, и, что называется, плыть по течению. Наоборот, чтобы сохранить дистанцию и нейтралитет (не говоря уже о выступлении против навязываемых порядков), надо было проявить активность, выступить публично. Активистом можно было числиться, не выходя из строя, а нейтральная позиция требовала добровольцев, готовых сделать шаг вперед перед строем.

Так, на следующем этапе кампании — регистрации кандидатов в делегаты Национальных собраний — после представления кандидата собравшимся (которые еще должны были его выбрать,

чтобы он мог официально получить статус кандидата) председательствующий задавал лишь один вопрос: „кто против?“⁴¹ По такой простой форме молчание и неподвижность становились свидетельством поддержки нового режима, а опыт и здравый смысл коллективного поведения обращались в собственную противоположность. Такие приемы нельзя рассматривать лишь как принятые у советских организаторов и не заслуживающие ничего, кроме пожатия плеч, — при этом упускается из виду трагическое положение молчаливого большинства. Перед магическими заклинаниями пропагандистов молчание перестало быть признаком нейтральности, а, наоборот, стало способом соучастия; оно больше не было признаком сдержанности, а скорее поощряло атакующих. Не говоря ничего, человек выступал в роли сторонника нового режима и оказывал ему поддержку; не выделяясь ничем, теряясь в толпе, человек фактически выступал „за“. Напротив, чтобы сообщить окружающим о нежелании иметь что-либо общее с новыми порядками, надо было выделиться, отказаться от предложенного, сделать самодонос. Чтобы полностью понять специфику предвыборных инсценировок, в которых зрители и актеры как бы поменялись местами (ибо не публика приглядывалась к организаторам митингов, а наоборот), надо помнить, что людей принуждали участвовать в предвыборных собраниях, что их гнали на митинги, нередко под стражей, а за отсутствие на собраниях грозили суровыми наказаниями.

Так как собрания проводились в малых группах, в основном, по месту жительства или работы, на основе списков жильцов или работников, или же на основе сведений соседей, то весьма легко было установить, кто должен присутствовать на собрании. Обычно распорядитель-привратник дома или жилец квартиры, где проводилось собрание, должен был составить список обязанных присутствовать и проверить его.⁴² В конторе, на фабрике, в учреждении руководитель отвечал за явку работников, и должен был объяснить каждый случай отсутствия. Иногда среди собравшихся пускали список, и следовало поставить подпись против своей фамилии, или вводилось правило, что только справка от врача может служить оправданием отсутствия.⁴³ Кроме всего прочего, применялось прямое принуждение: после

рабочего дня закрывали ворота предприятий, чтобы задержать рабочих на митинги; людей арестовывали за неявку на собрания,⁴⁴ увольняли с работы,⁴⁵ штрафовали и били.⁴⁶ Было изобретено также немало изощренных, нестандартных издевательств.

„У тех, кто не приходил на предвыборные собрания или, присутствуя на них, не выражал энтузиазма по поводу проводимой акции, выбивали, как правило, стекла в окнах“.⁴⁷ Я видел своими глазами, как у моего соседа Скочиляса забрали корову за то, что он не ходил на „митинги“. Таких случаев было немало.⁴⁸ „На одного из украинцев за неявку на собрание был наложен штраф в 1 рубль, который он должен был выплачивать по две копейки в день. До места уплаты (центра повята) было 7 км дороги“.⁴⁹

Людям запрещали выходить из дому (домашний арест), закрывали их лавки, отбирали продовольственные карточки, отказывали им в обслуживании в местном „кооперативе“ или ни с того ни с сего, к ним ежедневно приходила с обыском милиция, оставляя весь дом перевернутым, — и все это за неявку на предвыборные собрания.⁵⁰ Понятно, что формы репрессий были совершенно произвольными, а масштабы их ничем не ограничивались. Местечко Шерешков Пружанского повята за неблагоприятное отношение к агитации и неявки на собрания и митинги было подожжено“.⁵¹

Но целью было не наказание отсутствующих на митингах; людей нужно было собрать вместе и заставить участвовать в психологическом спектакле выборов; поэтому, кроме репрессий, применялись и предупредительные меры. Так, в районе Барановичей, в повяте Косув Полесский, проверка по списку проводилась в самом начале собрания и в „случае неявки на митинг агитатор приходил несколько раз на дом с личным письменным приказом председателя. Вызываемый должен был на этом листе расписаться и подтвердить, что он был извещен“.⁵² В общине Почаев Новогрудского повята „в случае неявки милиция сразу садилась на лошадей, приезжала к нам, выгоняла из дому и гнала перед собой, нередко избивая и издеваясь“.⁵³ Крестьянин с

хутора Кшивчаки Кременецкого повята сохранил такое воспоминание об октябрьской кампании:

„В день предвыборного собрания, НКВД послал в село нескольких доверенных ловцов. Каждый ловец должен был привести на собрание минимум десять человек. Облаву на избирателей проводили в обеденные часы, чтобы как можно больше людей поймать за столом, что обычно им удавалось”.⁵⁴

Будущих избирателей приводили на собрания группами, под охраной, или же обзывали хозяев домов и десятских под угрозой личной ответственности доставлять вверенных их попечению жителей в назначенное место, лучше всего — организованной группой.⁵⁵ Кроме того, людям постоянно угрожали, пугая выселением, арестом, увольнением с работы и записью в „черный список”. Угрозы не были пустыми, в этом было нетрудно убедиться, наблюдая за случившимся с непокорными соседями. Так как предвыборную агитацию проводили в малых группах, то, кроме угроз всем собравшимся, было достаточно времени и возможностей для индивидуальных бесед, после которых неподчинение указаниям организаторов было бы уже явной демонстрацией сопротивления.⁵⁶ Неудивительна при обстоятельствах проведения предвыборных собраний и их частоте неприязнь к ним местного населения. Об этом пишет крестьянин из Бавелувки:

„Эти митинги так обрыдли, что люди говорили между собой: на завтрак хлеб и вода, на обед — свобода, на ужин — митинг”.⁵⁷

Что же происходило во время предвыборной кампании и о чем говорилось на собраниях? Прежде всего, для подготовки выборов составлялись списки избирателей. По существу с первых дней оккупации новые власти занялись собиранием сведений, каждые несколько дней объявляя разного рода „регистрации” жителей. В этом смысле избирательные списки не были новшеством. Но на этот раз регистрация охватывала не какую-либо особую группу лиц (например, офицеров или врачей), а всех. Более того, информация, собираемая по этому случаю, несомненно,

выходила за рамки интересов избирательных комиссий, которые теоретически могли интересоваться (кроме места жительства будущего избирателя) лишь тем, достиг ли он возраста, установленного положением о выборах. Между тем, как это видно из сообщений учителей, которых принуждали в массовом порядке участвовать в составлении списков, им поручали ходить из дома в дом, „переписывая все и вся”.⁵⁸ Иногда это больше походило на допрос, чем на подготовку списков избирателей. Поскольку вся информация шла властям, которые могли использовать ее как угодно, не было особой разницы в сути бесед, проводимых под разными предлогами.

„Когда человек шел на перепись, он прощался с семьей, потому что не всегда ему удавалось вернуться домой”.⁵⁹

Списки составлялись на основе документации польских местных властей, главным образом, по книгам прописки и податным регистрам. Даже учитывая большую, чем обычно, неразбериху в записях, источники эти не были совершенными, ибо события двух предшествовавших месяцев привели к перемещениям населения. В списках оказалось немало умерших или просто отсутствующих.⁶⁰ Но власти подозревали, что люди будут уклоняться от голосования, и если чье-то имя оказывалось в списке, исключить его не было возможности. В результате в ходе октябрьских выборов „должны были голосовать даже те, кто умер за год до того”.⁶¹

При избытке фамилий в довоенных списках, в них отсутствовали имена вновь прибывших беженцев из Западной и Центральной Польши. Следовательно, чтобы хотя бы приблизительно отразить действительную численность населения, надо было переходить из дома в дом с карандашом в руках и пересчитать всех. Поскольку переписывания не сулили, как правило, местному населению ничего хорошего, а были прологом каких-то будущих ограничений (например, арестов и конфискации имущества), то на переписи смотрели недоброжелательно и работы по ним ни в коей мере облегчить не стремились.

Организаторы выборов на местах иногда хитрили, объявляя, например, что беженцам будут выдавать разрешения на воз-

вращение, или же что надо записаться на получение дров.⁶² Так удавалось добывать фамилии и адреса, которые иначе, возможно, добыть не удалось бы. Что касается учителей, которых, как упомянуто выше, посылали на составление предвыборных списков как на сверхурочную работу, то они, как правило, чувствовали себя весьма неудобно, понимая, что они наносят существенный вред местным жителям.

„Ко мне, — вспоминает портной Иероним Вежбицкий, — пришла проводить перепись учительница Бондарович из семилетней школы в Криве; она плакала от того, что ее заставляют делать эту перепись”.⁶³

Во всяком случае, следует помнить, что в списки избирателей вносили фамилии беженцев, которые находились на этих территориях временно, а также советских граждан, которые только что сюда прибыли.⁶⁴

На предвыборных собраниях обсуждали, во-первых, условия жизни в довоенной Польше с упором на их невыносимость и, во-вторых, описывали советский строй и судьбы людей в стране Советов, утверждая, что всем там живется прекрасно. Так создавался контрастный образ того, что было, с тем, что только должно наступить. Следует напомнить, что эти мрачные картины предвоенной Польши зачастую совпадали с собственным опытом людей, сгоняемых на митинги, но никто не знал, какая жизнь при советском строе. Слова агитатора сопоставлялись с воспоминаниями слушателей о недавно пережитом и очень редко со стершимися воспоминаниями о произошедшем двадцать лет назад, и о том, что принесло простому человеку торжество большевистской революции. Среди пропагандистов преобладали невежды, которые ничего не знали о предвоенной Польше и о действительных унижениях и преследованиях украинского, белорусского и еврейского населения, но все-таки были среди них люди интеллигентные и информированные из местного населения, например, бывшие коммунисты. Добавив к ним польских комсомольцев и членов социал-демократической группы „Жиче”, удалось бы, вероятно, набрать пару тысяч людей действительно воодушевленных и счастливых, которые

могли убежденно и убедительно говорить о несправедливостях капиталистического строя и о преследованиях национальных меньшинств в Польше в межвоенный период. В общественную жизнь включилась часть еврейской и украинской молодежи (молодых украинцев, впрочем, больше привлекали в милицию, чем к пропагандистской работе), не всегда из левых кругов (украинцы, работавшие в формировавшейся советской администрации, чаще всего делали это по указанию ОУН — Организации Украинских Националистов); они активно выступали на митингах и на собраниях в домах.⁶⁵ Но выступления эти не были убедительными и не имели отклика у местного населения. В результате предвыборной кампании у людей в головах все изрядно перемешалось, они по существу не знали, о чем собственно идет речь, кого они выбирают и зачем. Но все-таки бывало, что между ораторами и слушателями протягивались нити симпатии. Так, Ванда Василевская позднее рассказывала одному своему знакомому с тех времен, когда она жила в Кракове и была членом ППС (Польской Социалистической Партии. — Ред.), как после митинга ее окружили плотным кольцом довольные слушательницы и одна из них, явно выражая общее мнение, сказала:

„Панюся нам очень понравилась, и мы все будем за вас голосовать. Об одном мы только панюсю умоляем: защитите нас от этих большевиков”.⁶⁶

Выводы участников собраний не обязательно совпадали с намерениями ораторов, но это не исключало взаимопонимания. Так, на митинге, где большинство собравшихся составляли евреи, „политрук” заявил, что „если они не будут голосовать за Сталина, то Украина вновь станет петлюровской и снова пойдут погромы”. Это был „грюк”, как правильно отметил сообщивший об этом Моисей Ткач, конторщик из Ровно, но в тогдашней обстановке этот довод сработал.⁶⁷ Для национальных меньшинств на этих территориях вступление Красной армии в сентябре 1939 г. было связано с их надеждами на равноправие. Термин „национальные меньшинства” можно употреблять лишь условно, ибо эти „меньшинства” составляли на Западной Украине и в Западной Белоруссии большинство. Это создавало особую атмосферу для советской оккупации. Национальные меньшинства воспринимали распад польской администрации как безусловное

освобождение. Украинцы, евреи и белорусы сразу же перестали быть гражданами второго сорта, и это впечатление, особенно для молодежи было ошеломляющим. Лишь постепенно, в течение пары месяцев они открыли, что перестали быть гражданами вообще, и что всеобщее уравнивание одновременно снизило общий статус. За это время советская администрация окрепла и это чувствовалось все заметней. В начале октября еще господствовала эйфория. Пожалуй, предвыборная кампания и выборы были первым осознанием людьми советской действительности. До октября переживали скорее исчезновение Польши (что многих, по понятным причинам, весьма радовало), нежели приход Советов.

Реакцией публики на пропагандистские выступления были прежде всего усталость, тоска и скука. Большинство людей было выбито из колеи. Одни скрывались, другие искали потерянных членов семьи, многие не имели ни жилища, ни средств к существованию. Они пытались понять, что и кому можно, и чего нельзя. И вдруг к этим важным, мучительным и всепоглощающим занятиям добавилось еще одно, совершенно бессмысленное — ежедневная, неукоснительно соблюдаемая обязанность ходить на собрания, нередко продолжавшиеся по многу часов.

„Во время этих собраний, — рассказывал впоследствии свидетель, — 60% слушателей-крестьян спали, измученные целодневной работой и скучной речью, которой они не понимали”.⁶⁸

Агитаторы тоже нередко попросту отбывали повинность:

„Предвыборную агитацию, — вспоминает чиновник городской управы г. Львов, — начали с изучения конституции, которое проводили следующим образом: после служебных занятий всех работников собирали в одной комнате, приходил какой-нибудь советский солдат и читал вслух отдельные параграфы конституции по-украински, время от времени спрашивая „поняли?“, и присутствующие кивали головами”.⁶⁹

Нередки были речи, а еще чаще — зачитывание пропагандистских брошюрок (часто читали также конституцию и историю

ВКП/б/) на языке, непонятном для собравшихся.⁷⁰ Иногда лектор, не владеющий польским языком, приводил с собой переводчика, и тогда собрание затягивалось до бесконечности.

Работники почты № 1 в Станиславе должны с благодарностью вспоминать своего начальника, который просто раздал им брошюрки с текстом конституции, велел выучить их на память и обещал повышение всем, кто позднее сдаст у него экзамен на „хорошо”.⁷¹

Когда ораторы, выступавшие на собраниях, сравнивали советский строй со скандальными порядками в довоенной Польше, пелена скуки ненадолго рассеивалась, и публика или впадала в изумление или взрывалась смехом. Так, лектор, выступавший в Белгоспроекте (до этого — Бюро регионального планирования в Белостоке) с разъяснением сталинской конституции и советского избирательного права, сказал, что теперь каждый голос будет считаться одинаково, тогда как в Польше до недавнего времени тот, у кого было больше долларов, мог подать больше голосов, чем тот, у кого долларов не было.⁷² Такие вздорные высказывания уничтожали весь эффект пропагандистской работы. Это немедленно отметил один из участников собрания в Белгоспроекте (кстати, симпатизировавший новому строю). Этот инженер возмущался тем, что подобных неучей посылают в учреждение, где каждый работник имеет по меньшей мере среднее образование!

Следует отметить, что работа пропагандиста среди людей, которым еще только предстояло понять роль общества и общественного мнения при советском строе, была тяжелой и не лишеной горьких переживаний. Так, в Старый Двор из НКВД „прислали на десять дней двух агитаторов, потому что их предшественников высмеяли”.⁷³ В деревне Богуше женщины высмеяли некоего Грибоедова, приехавшего из Минска в качестве агитатора.⁷⁴ Мельник Владислав Бучковский вспоминает о характерном случае на митинге в Злотковицах. Когда местный оратор начал расхваливать СССР, его жена, присутствовавшая на митинге, вырвала из ближайшего тына кол и побила его.⁷⁵ Позднее эту горячую женщину, как и многих других, кто на первом этапе предвыборной кампании принимал выступления ораторов слишком всерьез, арестовали. Вначале на митингах еще

задавали вопросы, и начальство сурово обходилось с неумелыми агитаторами. Если на предвыборных собраниях случались скандалы, их следствием были аресты.⁷⁶

Понимая, что за „20 лет буржуазной пропаганды могли укорениться предрассудки“, агитаторы вначале пытались успокаивать слушателей: „говорили, что нынешние большевики отличаются от большевиков времен русской революции, что нынче у них нет самоуправления, на все есть законы, работа идет по плану“⁷⁷; „говорили..., что будет так же, как было, несмотря на смену власти“.⁷⁸ Кое-где ссылались на историческую необходимость и призывали примириться с произошедшим, так как все равно ничего нельзя изменить. Утверждали, что Польша никогда не воскреснет, и на ничью помощь рассчитывать нечего, что советская власть скоро утвердится и в Англии, и в Америке и даже в Германии и вообще на всем свете“.⁷⁹

„Сначала комиссар сообщил, что в этот памятный исторический день мы стали гражданами СССР, и добавил: учтите, там, куда вступили большевики, там они и останутся. Он обратился к собравшимся с предложением выступить. Вышел Дымон, житель ближнего села, который вручил комиссару список. Когда комиссар спросил, что это, тот ответил, что это список вредных людей, которых следует устранить как польских патриотов. Комиссар взял список, но после долгого раздумья сказал, что раз было государство, должны были быть и патриоты“.⁸⁰

Как же было не поверить такому справедливому человеку? К тому же новая историческая эпоха, судя по тому, что о ней говорили, не лишена была хороших сторон. Например, в СССР не платят налогов.⁸¹

„Советский Союз — самая богатая страна в мире, здесь есть миллионы фабрик, автомобилей, пушек, танков, тракторов и 665 тысяч комбайнов. — Он говорил, что советские рабочие, как господа, каждый год ездят в отпуск на курорты... Он утверждал, что 65-летние рабочие получают пенсии и что неправда, будто их используют на мыло, как утверждают

злые контрреволюционеры. Старики у них окружены заботой. Безработицы и нищих у них вообще нет. У колхозников есть мебель, коровы, даже швейные машины и патефоны“.⁸² Говорили, что кино у них бесплатное и все есть, даже шахты для добычи сахара („он думал, что поляки темный народ, и никто не знает, что сахар делают на заводе“⁸³). „При этом обещали, что привезут сахар, соль, конфеты, керосин, кожу, водку и одежду. Когда спрашивали, почему до сих пор не привезли, отвечали, что надо расширить железно-дорожную колею“.⁸⁴

Иногда преподавали практический курс советского парламентаризма: „Население учили на митингах, как надо голосовать; например, агитатор называл фамилию кандидата и спрашивал толпу, кто за, а кто против; при этом он поднимал руку и объявлял соответственно „все“ или „никто“. Толпа, разселенная таким митингом, кричала вместе с ним — „все!“ или „никто“.⁸⁵ Однако на вопросы принципиального свойства ответы давались серьезные:

„Когда спрашивали, зачем это голосование, отвечали: у вас нет правительства, вы должны присоединиться к Советскому Союзу и выбрать депутатов в Верховный совет. На вопрос, выберем ли мы своих кандидатов, отвечали: вас это не касается, мы их назначим, а вы будете за них голосовать. Тогда мы говорили, что так голосовать не будем, а нам на это ответили: для тех, кто не будет голосовать, у нас есть надлежащее место“.⁸⁶

С приближением выборов атмосфера стужалась, и людям все больше становилось не до смеха. Все реже смеялись они над ораторами, угрозы и репрессии все чаще достигали результата: люди начинали бояться. В Анджееве „за две недели перед выборами нельзя было вечером зайти к соседу. Если кого-либо ловили вечером не у себя дома, сразу же арестовывали и обвиняли в агитации против выборов“.⁸⁷

Обширные отрывки из выступлений ораторов полувековой давности цитируются здесь ни в коей мере не для того, что-

бы позабавить читателя (хотя свидетели событий, наверняка, не раз падали со смеху), а для того, чтобы показать ужас того времени. Жители Западной Украины и Белоруссии по мере разворачивания предвыборной кампании начинали осознавать, что они оказались в тисках абсолютной власти. Полный произвол в мерах наказаний, вынуждавших присутствовать на собраниях, полная бессмыслица текстов, с которыми обращались к ним в рамках предвыборной кампании, — все это характеризовало их новое положение: против произвола и капризов новой власти не у кого было искать помощи и бессмысленно было звать даже к здравому смыслу.

Интересный аспект октябрьских выборов кратко описал крестьянин из Глубокого, сказавший о выборах, что „никто не знал, почему и для чего”.⁸⁸ Так именно и было. В сообщениях со всех оккупированных территорий многократно повторяется, что жителям Западной Украины и Западной Белоруссии цель выборов была неизвестна.⁸⁹ Более или менее было ясно, что речь идет о выборе делегата в какое-то национальное собрание, но чем это собрание должно заниматься, уже было понятно гораздо меньше.

„Голосовали за какие-то фамилии, — рассудительно сказал один крестьянин из Каписк-Новых, — а не за принадлежность”.⁹⁰

Некоторые думали, что это какие-то „временные” выборы, только на время войны, вероятно потому, что сеть администрации, установленной Советами, имела в названии слово „временная”.⁹¹ Лишь немногим представлялось, что из всего этого может возникнуть „свободная” Белоруссия или Украина.⁹²

В городах знали лучше, чем в деревне, какова формальная цель выборов. Неясность усиливалась тем, что в ходе предвыборной кампании чаще всего оперировали общими рассуждениями (читали конституцию СССР и историю ВКП/б/, рассказывали о жизни в колхозах и т. п.). К тому же о Польше говорили только в прошедшем времени. Признавалось уже совершившимся фактом, что Советы пришли, чтобы остаться.

„Присоединение северо-восточных территорий Польши к

СССР было совершившимся фактом, и никто из официальных представителей СССР никогда не говорил, что выборы — это плебисцит”.⁹³

Стиль и содержание пропагандистских бесед о присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР не оставляли сомнений, что дело это решенное. Так, „Червоны штандар” в канун выборов поместил на первой странице статью под заголовком, отпечатанным жирным шрифтом: „Присоединение к Советскому Союзу — это воля народов Западной Украины”. Читатели газеты, которых интересовали не только заголовки на первой странице, давно уже знали, что должно произойти. Цитированные выше Тимошенко и Корнейчук не допускали слагательного наклонения, а только утвердительное, описывая будущее Западной Украины в общей советской отчизне. Так, статья в номере от 15 октября 1939 г. (написанная, по сообщению ее автора, для успокоения дезориентированного общественного мнения) недвусмысленно представляет официальное мнение советских властей:

„В последние дни враги трудящихся упорно распространяют лживые и явно провокационные слухи о том, что подразделения Красной армии якобы намерены оставить занятые территории Западной Украины. В качестве примера враги приводят факт передачи Советским Союзом Вильнюса и Виленской области Литве. Пропагандисты и агитаторы должны разъяснить местному населению, что эти и им подобные провокационные и клеветнические слухи не имеют ничего общего с действительностью... Границы СССР, установленные на Западе на основе договора с Германией, прочны и нерушимы”.

Сомнительно, чтобы это циничное сообщение успокоило общественное мнение, но оно наверняка утвердило читателей в убеждении, что предстоящие через неделю выборы — это фикция, а что будет после этих выборов неясно, ибо о том, какие земли куда присоединить — Вильнюс к Литве, Львов к Киеву или Белосток к Минску — об этом советские власти прекрасно

сумеют распорядиться сами. А поскольку кроме того ходили слухи о радиопередачах из Лондона, в которых якобы говорилось, чтобы „все действовали по своей воле и голосовали так, как хотят большевики, потому что это голосование никакого значения не имеет”,⁹⁴ то уже все потеряли всякое понимание происходящего; пробуждались лишь сомнения и неясное чувство, что раз уж настолько неизвестно, как обстоят дела, и все настолько бессмысленно, то должны быть во всем этом какие-то скрытые планы и цели. Только какие?

ПРИМЕЧАНИЯ

Цитируемые архивные материалы складываются в основном из ответов на анкету, распространенную Особым историческим отделом Польской армии на Востоке (так называемой армии Андерса) среди солдат и семей военнослужащих, эвакуированных из СССР в Иран в 1942 г. Анкета, состоявшая из семи вопросов, касалась выборов октября 1939 г. и начального периода советской оккупации. Респонденты указывали свои фамилии, возраст, место жительства перед войной и профессию. Как правило, анкеты нумеровались. В настоящее время эти документы находятся в Гуверовском институте (ГИ) в Калифорнии. В сносках приводятся названия собраний: 1) Polish Government Collection (PGC); 2) Anders Collection (AC) или Poland; 3) Ambassada USSR Collection; кроме того указываются номер ящика (для PGC, где анкеты не расположены по номерам) и номер цитируемой анкеты (например, AC 1515, или PGC, ящ. 53, 2455). Если анкета не обозначена номером, приводится фамилия респондента — например, Poland, Ambassada USSR Collection, Ядвига Маевская. В 1944 г. в исследовательском центре, которым руководил профессор Виктор Сукенницкий, из этих анкет были сделаны выписки. В обработанных таким образом машинописных материалах ответы сгруппированы по повятам. В Гуверовском институте они хранятся в Polish Government Collection. При цитировании этих выдержек приводятся названия повятов (которыми озаглавлены также и сами выписки) и номера страниц. Часть материалов была сгруппирована по повятам; и позднее они были описаны в отдельных разработках. Поэтому можно найти, скажем, две машинописи, содержащие сообщения из Кременецкого повята. В случаях, когда цитируются разработки, в которых сгруппированы анкеты по нескольким повятам, ссылка обозначается звездочкой.

СНОСКИ

1 Ход выборов на Виленщине, присоединенной к Литве, был несколько иным; он шел в соответствии с ритмом поглощения Советским Союзом прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии.

2 „Червоны штандар”, львовская газета, выходившая с первых дней оккупации (сначала как орган политуправления Украинского фронта, а позднее – как официальный орган обкома партии), определяет возникшее тогда же образование как Украинское национальное собрание Западной Украины. Время от времени встречается название „Временное национальное собрание Западной Украины и Западной Белоруссии”. В практике новой администрации вопрос о названии устоялся не сразу, хотя терминологические вопросы были важным элементом идеологии и подвергались внимательному анализу.

3 Public Record Office, FO 371/23103.

4 Согласно подробным сообщениям тогдашнего директора политического департамента литовского МИД, литовская делегация выехала на переговоры в Москву 3 октября. В обмен на отказ от Вильно и окрестностей Советы требовали согласия на размещение гарнизонов Красной армии по всей стране. Вначале литовцы не хотели соглашаться на такую сделку, и литовская делегация дважды курсировала между Москвой и Ковно (Каунасом), пока, наконец, 9 октября не был подписан договор с Советским Союзом. Отсюда, можно полагать, и происходила неуверенность в том, придется ли и в Вильно проводить выборы в октябре, или же город и округ будут „обработаны” в соответствии с планом позднейшего „освобождения” Литвы. См. Eduard Jurauskas, „Communist Diplomacy Exposed”, Bulletin No. 2, Lithuanian Information Service, N. Y. Feb. 1941.

5 „Червоны штандар”, 6 октября 1939 г.

6 ГИ СА, 7624.

7 „Червоны штандар”, 14 октября 1939 г.

8 „Червоны штандар”, 8 октября 1939 г.

9 A. Wyszynski, The Law of Soviet State, Macmillan, N. Y., p. 695. Перевод с русского издания 1938 г.

10 „Червоны штандар”, 8 октября 1939 г.

11 Возьмем, например, кандидатуру Адама Полевки, краковского писателя, происходившего из пролетарской семьи. В начале октября, – рассказывал он впоследствии Михаилу Борвичу, – пришли ко мне во Львове три энкаведешника. Полевка был убежден, что неожиданные гости пришли его арестовывать, ибо у них были серьезные мины и они, не теряя времени, начали выпрашивать его биографические данные, сверяя ответы с записями в картотеке, принесенной ими с собой. Вдруг в конце этого изматывающего разговора один из советских встал, пожал Полевке руку и сообщил: „Да, вы будете депутатом Верховного совета”. И действительно, вскоре Полевку „выбрали”, и лишь через пару месяцев ему удалось убежать в оккупированную немцами часть Польши (M. Borwicz, Inzenerowie dusz, „Zeszyty Historyczne”, 1963, str. 141); ср. также ГИ СПП, сообщения 2965, 3036).

12 Минск, 33, Яворов, 19, Калуш, 30, Лунинец, 25, Ровно, 58; ГИ Ambassada USSR, Аделя Яворская.

13 „Червоны штандар”, 15 октября 1939 г., „Правда”, 14 октября 1939 г.

14 „Червоны штандар”, 15 октября 1939 г.

15 „Газета львовска” уже 6 октября сообщает о многочисленных собраниях в местечках и селах Западной Украины. „Мы уверены, – так звучит резолюция, принятая, например, на митинге жителей села Зашковице, – что наши мысли и стремления согласуются со стремлениями всего народа Западной Украины, и мы просим о принятии нас в великую семью народов Союза Советских Социалистических Республик”.

- 16 „Червоны штандар”, 14 октября 1939 г.
- 17 Ломжа 41а, Вилейка 24, Несвиж 38, Молодечно III. 4, Дрогобыч 25–26, Здолбунов 56, Белостоцкий повят 21, Щучин 17, Несвиж 39, Самбор 24, Рудки 13, Новогрудски повят 29, Пинск 33, Пружаны 17, Лида 17.
- 18 И. Я. Кошарний, У сузір’ї соціалістичної культури, Льв. 1975, вид. ЛДУ, стор. 39.
- 19 НІ, Poland, Ambassada USSR, ящ. 48, Мария Сайя.
- 20 Несвиж 39.
- 21 Ровно 22.
- 22 Вилейка 23, Ходоров 7, Бобрка 16, Яворов 19, Ковель 33, Скалат 23.
- 23 НІ, РРС, ящ. 95, 9738.
- 24 В „Правде” от 16 октября 1939 г. сообщается об агитпоезде, вышедшем из Киева 15 октября по маршруту Сарны–Здолбунов–Львов. В составе поезда было 10 вагонов: вагон-музей имени Шевченко, вагон-клуб с киноаппаратурой, вагон-редакция, артисты железнодорожного ансамбля музыки и пляски и агитаторы. См. также Ломжа 41а; Остроленка 7; Вилейка 24; Добромиль 13; Дрогобыч 25; Пинск 33; Рудки 13; Пружаны 17; Мосьциска 18.
- 25 Дрогобыч 24. См. также НІ РРС, ящ. 234, 7401, Дзисна 22, Пинск 33, Кременец 56, Белостоцкий повят 34.
- 26 НІ, РРС, ящ. 102, 2960.
- 27 Сокольский повят 28, НІ, РРС, ящ. 99, 6589.
- 28 Лида 20, Костополь* 13, Ошмяны 65, Косов Полесский 20, Любомиль* 8, Вилейка 25, Ломжа 39.

- 29 Браглавский повят 15.
- 30 Дубно*19.
- 31 Белосток 35, Мосьциска 18, Белостоцкое воеводство 21, Коломыя 39, Владимир-Волынский 20.
- 32 Юзеф Подбельский, лесник из Сосновик, писал, что хотя „в предвыборный период было разрешено из государственных лесов брать без всяких ограничений и бесплатно строительные материалы и топливо, ... но сразу после выборов было приказано под угрозой судебной ответственности взятое дерево отвезти на лесопилку” (НІ, РРС, ящ. 101, 2982).
- 33 НІ, РРС, ящ. 97, 7227, ящ. 98, 2246.
- 34 НІ, РРС, ящ. 10, 1698.
- 35 Дубно 58.
- 36 Самбор 23.
- 37 Перемышль 39, Луцк 41, Молодечно III.3, интервью со Львом Васылем, Нью-Йорк, весна 1981 г.
- 38 НІ, РРС, ящ. 95, 6130.
- 39 НІ, РРС, ящ. 105, 7997, Ср. также Пинск 34, РРС, ящ. 95, 8449, ГИ Ambassada USSR, ящ. 46, Стефан Огородник.
- 40 „В первых числах октября, – вспоминает Францишек Сыздаль, учитель из Гиревич, – приехал лейтенант с каким-то гражданским, как оказалось, инженером из Москвы, мобилизованным на политработу. Они сообщили мне, что собираются провести митинг, и поскольку я имею влияние на местное население, я должен выступить на митинге и при этом – по-русски. На вопрос, почему по-русски, а не по-польски, они сообщили, что не все меня поймут: речь шла именно о них, как о контролирующей стороне. Я пытался отговориться незнанием русского языка,

но к этому они были подготовлены: речь уже была готова и написана, оставалось только зачитать ее. В тот момент я еще не отдавал себе отчета, к каким последствиям приведет отказ, и все же отказался... Ничего я от этого не потерял, так как впоследствии оказалось, что арестовывали и тех, кто в первую минуту по слабости характера отреклись от своих принципов" (НІ, РГС, ящ. 96, 7579).

- 41 Ломжа 41, Лида 23, Кобрин 30, Пружаны 23, Луцк 49, Горохов 27, Кременец*237, Ровно*26.
- 42 Вилейка 25, Молодечно III.5, Новогрудски повят 29, Щучин 17, Пинск 33, Дрогобыч 25, Грудек Ягеллонский 15.
- 43 Мосьщиска 18, Кобрин 25, Ровно*24, Ошмяны 65.
- 44 Самбор 23, Бобрка 16, Луцк 43, Горохов 21, Надворна 31.
- 45 Дрогобыч 24, Костополь 56, Кременец*20, Ровно 56, Эдолбунов 18, НІ, РГС, ящ. 100, 3294.
- 46 Самбор 23, Грудек Ягеллонский 16, Эдолбунов 56, НІ, РГС, ящ. 101, 6844.
- 47 НІ, РГС, ящ. 97, 7325.
- 48 НІ, РГС, ящ. 95, 1025.
- 49 Скалат 24.
- 50 Горохов 19, Молодечно III.6, Долина 37.
- 51 Пружаны 17.
- 52 Косув Полесский 20.
- 53 Новогрудский повят 29.
- 54 Кременец* 19.

- 55 Кобрин 25, Перемышль 33, Ковель 35, Снятынь 28, Белостоцкий повят 22.
- 56 „Если кто из более смелых не шел на митинг, то его отмечали, на следующий день к нему в дом приходил сам коммунист с вопросами: ты, почему, товарищ, не был на митинге? Что, тебе не нравится советская власть? Помни, кто не с нами, тот против нас. Мы таких врагов Советского Союза уничтожаем. После таких угроз, кто хотел и кто не хотел, на митинг должен был идти" (Ошмянский повят, без номера страницы).
- 57 Скалат, 23–24.
- 58 Долина 39, См. также НІ, РГС, ящ. 104, 2318, ящ. 102, 6581, ящ. 98, 4887.
- 59 Этот лесничий из Теравы Сольней, Санокского повята, ходил на регистрацию „ночью в 11 часов, две мили, при регистрации записали всю мою биографию. Каждый человек должен был под принуждением идти на регистрацию, и при том в основном – на назначенный час" (Санок 16).
- 60 Жидачев 17, Пружаны 30, Перемышль 43, Эдолбунов 64, Ровно 64, Самбор 26, Дрогобыч 28.
- 61 Яворов 22.
- 62 Перемышль 61, Горохов 27, Белосток 39, НІ, РГС, ящ. 10, 7047.
- 63 НІ, РГС, ящ. 104, 2318.
- 64 Любачев 21, Дрогобыч 30, Перемышль 43, Эдолбунов 64, Грудек Ягеллонский 18, Вилейка 29, Лида 22, Самбор 27, Браславский повят 17.
- 65 Ср., например, Anna Jedrychowska, Zygzakiem i po prostu, Warszawa. Czytelnik, 1965, str. 291 и далее: Marian Naszkowski, Lata proby. Warszawa, Ksiazka i Wiedza, 1965, str. 115, 116, 121; Maria Turlejska,

Prawdy i fikcje, Warszawa, Książka i Wiedza, 1968, str. 275; Беседа с Владимиром Брусом, Оксфорд, лето 1980 г.

- 66 M. Borwicz, Jnzenerowie Dusz, "Zeszyty Historyczne", P., 1963, str. 141.
- 67 NI, PGC, ящ. 100, 2212.
- 68 NI, PGC, ящ. 95, 6590.
- 69 NI, PGC, ящ. 234, 2594.
- 70 Дрогобыч 24, Ломжа 41, Белосток 32, Несвиж 39, NI, PGC, ящ. 10, 5146, 4450.
- 71 NI, PGC, ящ. 98, 7743.
- 72 NI, PGC, 4796.
- 73 NI, PGC, ящ. 96, 11074.
- 74 Сокольский повет 29.
- 75 NI, PGC, ящ. 99, 2224.
- 76 Белостокское воеводство 21, Несвиж 38, NI PGC, ящ. 101, 2181, ящ. 10, 3458, ящ. 103, 2193.
- 77 NI, PGC, ящ. 102, 898.
- 78 NI, PGC, ящ. 97, 6026.
- 79 Ломжа 39, Вилейка 23-24, Пинск 30, Кобрин 25, Лида 19, Лунинец 26, NI, PGC, ящ. 97, 10268, ящ. 98, 2828.
- 80 Поставский повет 20.
- 81 NI, PGC, ящ. 100, 10097.

- 82 Несвиж 39.
- 83 NI, PGC, ящ. 101, 8107.
- 84 Лида 20.
- 85 NI, PGC, ящ. 97, 3098.
- 86 NI, PGC, ящ. 96, 993.
- 87 Острив 12.
- 88 Щучин 30.
- 89 Ломжа 56, 71, Белосток 55, 56, Острив 13, Сокольский повет 41, Поставский повет 32, Вилейка 40, Дзисна 36, 37, Браслав 13, 14, Новогрудский повет 39, 40, Лида 16, 17, Несвиж 53, Самбор 36, 37, Пинск 29, 30, Лунинец 39, Добромилль 22, Бобрка 17, Скалат 31, Перемышль 62, 63.
- 90 Ломжа 71.
- 91 Несвиж 53, Бобрка 17, Луцк 59, Владимир-Волынский 31.
- 92 Косув Полесский 17, Дубно 52, Ровно* 22.
- 93 Браславский повет 14.
- 94 NI, PGC, ящ. 96, 859. См. также ящ. 97, 3944, ящ. 100 5877.